

Излишние среди жалких нулю
земных,

Светлана Ипатова*

А. Фет в зеркале пародии: «Шепот, робкое дыханье...» (1850)

Статья посвящена литературной ситуации 1860-х – 1870-х гг., когда в полемике «utilitarists» против направления «чистого искусства» о назначении поэта и поэзии в общественной жизни именно поэзия Фета стала основным объектом критического неприятия и пародического осмейания; особенно досталось стихотворению «Шепот, робкое дыханье...», одному из шедевров русской поэзии, который был воспринят современниками как поэтический манифест.

The article deals with the literary situation of 1860s–1870s, when in the polemic of «utilitarians» against the movement of «pure art» about the purpose of the poet and poetry in public life, it was Fet's poetry that became the main object of critical rejection and parodic ridicule, especially the poem «Whisper, timid breath...», one of the masterpieces of Russian poetry.

Ключевые слова: поэзия, А. Фет, полемика, Н.А. Добролюбов, Д.Д. Минаев, «Современник», «Свисток», «Искра», пародия, палиндром

Keywords: poetry, A. Fet, polemics, N.A. Dobroljubov, D.D. Minaev, «Sovremennik», «Svistok», «Iskra», parody, palindrome

* Научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

Литературную биографию Фета, охватывающую более пятидесяти лет, с точки зрения творческой активности можно, хотя и условно, поделить на три этапа: с 1840 до конца 1850-х — начала 1860-х — период наибольшего успеха его произведений, обогативший отечественную литературу четырьмя поэтическими сборниками (1840, 1850, 1856 и двухтомник 1863); с 1863 — когда в атмосфере ангажированного остракизма Фет на протяжении двух десятков лет не издал ни одного сборника стихов; и последний период, ознаменовавшийся четырьмя выпусками «Вечерних огней» (1883, 1885, 1888, 1890), а также многочисленными фундаментальными переводаами. Вершиной этого заключительного этапа стало признание поэтических заслуг Фета, вылившееся в широкое празднование его литературного юбилея в январе 1889 г.; к концу века этот усieux обрел размеры своеобразной «фетомании» у поэтов Серебряного века [8].

В настоящей статье речь пойдет о странном периоде «безвременья» 1860-х – 1870-х гг. в творческой судьбе Фета, выпавшем на его долю отчасти вследствие травли со стороны революционно-демократической критики. Свое поэтическое кредо Фет изложил в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859), направленной против тех, кто исповедовал «пользу» в искусстве, прежде всего Н.Г. Чернышевского; выступление поэта оказалось провокативным для дальнейших нападок. Статья была опубликована в журнале «Русское слово», который по иронии судьбы чуть позже возглавил атаки на поэта.

Главная мысль Фета заключалась в том, что «художнику дорога только одна сторона предметов: их *красота*», разлитая «по всему мирозданию». Поэзия — это «воспроизведение не всего предмета, а только его красоты» [29, с. 177, 180]. Фет считает, что поэзия, отражающая общественную жизнь, пишется не по вдохновению, а «по заказу и, следовательно, не принадлежит к свободному творчеству» [29, с. 191–192]. В «произведении истинно прекрасном» есть и мысль, и содержание, поэтому вели-

ий поэт является мыслителем [29, с. 180–182]. Запросы «о правах гражданства поэзии между ючими человеческими деятельностями, о ее явственном значении, о современности в инную эпоху и т. п.» он красноречиво называет юшмарами, от которых давно и навсегда оттался» [29, с. 176].

Более определенно, повторяя и укрупняя свои эстетические суждения о назначении поэзии и поэзии, Фет высказался в статье о романе Г. Чернышевского «Что делать?» (написанной им совместно с В.П. Боткиным, но так и не вышедшей свет при жизни обоих): «Искусство, действительно, не заботится о реальной жизни ямко и непосредственно, оно влияет на человеческую жизнь иным путем — *возвышая дух, которого зависит эта жизнь*» [30, с. 241].

В силу характера своего дарования Фет не мог и не желал исповедовать в поэзии гражданскую скорбь, не декларировал в своих стихах ни идеи ненациональных убеждений, ни практической слезы, образный строй его лирики был далек от эстетики гражданской поэзии и не отражал глубин общественных устремлений. Его лирическая муз «чистой поэзии» [см.: 24] не стала «музой мести и печали», и это обстоятельство ютеформенные годы трагически повлияло на этическую судьбу Фета, надолго истогнув его из литературного обихода.

Авторитетные представители радикально-мократического крыла не могли разделять этики «чистого искусства», воплощением которого стала для них поэзия Фета, а сам он стал «жрецом». Декларируя утилитарное отношение к поэзии, прогрессисты видели в поэте филолога лишенной практического смысла истой лирики, далекой от «злобы дня», т.е. социальных проблем. В этом походе против Фета главенствовал журнал «Русское слово», вышедший с середины 1860 г. органом радикалов (В.А. Зайцев, Д.И. Писарев, Н.В. Соколов, Д. Минаев и др.), а также некрасовский «Современник».

Ими была задана тема бессмыслинности и скучности фетовской поэзии, параллельно в эпиграммах и пародиях эту тему варьировали и развивали сатирические изданияvolutionно-демократического толка «Свисток», «Искра» (В.С. Курочкин, А.П. Сниткин, А. Медведев, Д.Д. Минаев) [см.: 22; 32], «Гу-

док», а также низовая периодика — «Весельчак», «Развлечение», «Оса», «Заноза», «Будильник», «Осколки» и пр., прозаизировавшие известный текст для создания комического, развлекательного эффекта у невзыскательной публики.

В конце 1861 г. Писарев, ведущий критик радикального «Русского слова», признавался: «Кто, живя и действуя в сороковых и пятидесятых годах, не проводил в общественное сознание живых общечеловеческих идей, того мы уважать не можем, того потомство не поместит в число благородных деятелей русского слова». Решительно отказываясь считать таких поэтов настоящими художниками, критик предрекал, что Фет, как «Полонский, Щербина, Греков и многие другие микроскопические поэтики», не останется в памяти потомков: «...они думают, что, шлифуя русский язык, баюкая нас своими тихими мелодиями, воспевая на тысячу ладов мелкие оттенки мелких чувств, они приносят пользу русской словесности и русскому просвещению» [19, с. 230]. И далее Писарев дает совет читателю: «...попробуйте, милостивый государь, переложить два-три хорошенъкие стихотворения Фета, Полонского, Щербины или Бенедиктова в прозу и прочтите их таким образом», и тогда обнаружатся «неподражаемая мелкость основной идеи» и «колossalная напыщенность формы» [19, с. 232].

Двумя годами позже в отклике на собрание «Стихотворений» Фета (1863) Писарев перейдет к насмешливому предсказанию его судьбы: «...продадут его пудами для оклеивания комнат под обои и для завертывания сальных свечей, мещерского сыра и копченой рыбы. Г-н Фет унизится таким образом до того, что

Заставка первой страницы журнала «Искра»

Д.Д. Минаев и Н.С. Лесков.
Фотография. 1860-е гг.

в первый раз станет приносить своими произведениями некоторую долю практической пользы» [20, с. 327].

Не менее категоричен и солидарен в своих высказываниях о поэте оказался Н.А. Добролюбов, сотрудник некрасовского «Современника», словно невзначай отметивший в статье о романе И.С. Тургенева «Накануне» (первоначальное заглавие «Когда же придет настоящий день?» (1860)) незавидную участь Фета, «из которого теперь только десяток любителейпомнит десяток лучших стихотворений» [5, с. 99].

Еще один выпад против Фета прозвучал в рецензии Добролюбова на «Стихотворения» Ивана Никитина, который, по мнению критика, «способен сознавать ложь и недостаточность своих произведений и отрекаться от того направления, которое могло породить их. Видно, что он не принадлежит к числу таких поэтов, которые, как, например, г. Фет, никак уж не могут, несмотря на всевозможные усилия

критики, перейти ту грань, на которую раз стояли в своих произведениях» [5, с. 160]. Другими словами, причиной критических вынужд стал упорное нежелание Фета «осознать» и «перейти». Не уступал коллегам по журналу «король рифмы» Д.Д. Минаев, наводнивший литературу серией пародий и эпиграмм на поэта, ставшего на долгие годы его «добычей».

Начиная с 1860-х гг., Фет-лирик оказался почти в двадцатилетнем добровольном изгнании из литературы, уступив место переводчику и публицисту. Вспоминая это время, он писал ученому-классику Д.И. Нагуевскому 12 февраля 1888 г.: «С 60-го по 85-й год, невзирая на то, что я в течение этого времени почти безмолвствовал, в журналах не переставали глумиться надо мною на всевозможные лады, и каждый осел считал гражданским долгом лягнуть меня демократическим копытом. Конечно, я не отвечал ни звуком» [16, с. 438].

Но и в 1880-е гг. борьба шестидесятников против «чистого искусства» и Фета не прекращается. Так, один из самых авторитетных критиков в эти годы Н.К. Михайловский, обнаруживая абсолютное отсутствие эстетического чувства, писал с сарказмом: «Фет ведь — это “шепот, робкое дыханье, трели соловья”; безглагольное стихотворение, безначальный конец, бесконечное начало, словом, нечто архипоэтическое, а следовательно, и любовь он может понимать только в самом возвышенном смысле» [цит. по: 2, с. 90–91].

В петербургском юмористическом еженедельнике Н.А. Лейкина «Осколки» на первой странице послеюбилейного номера (№ 7 от 11 февраля 1889 г.) был помещен дружеский шарж на Фета к его «пятидесятилетию» работы штатного художника М.М. Далькевича, на котором молодая Муза неловко обнимает престарелого поэта, держа над его головой лавровый венок, а под рисунком приведены строки: «Шепот... робкое дыханье... / Трели соловья...».

Несмотря на почти тридцатилетние усилия критиков и пародистов, направленные на дискредитацию имени Фета, популярность поэта к 1884 г. была отмечена включением вполне объективной статьи о нем в знаменитую фельетонную энциклопедию В.О. Михневича «Наши знакомые: Фельстонный словарь современников»: «...благоуханный, сладкозвучный

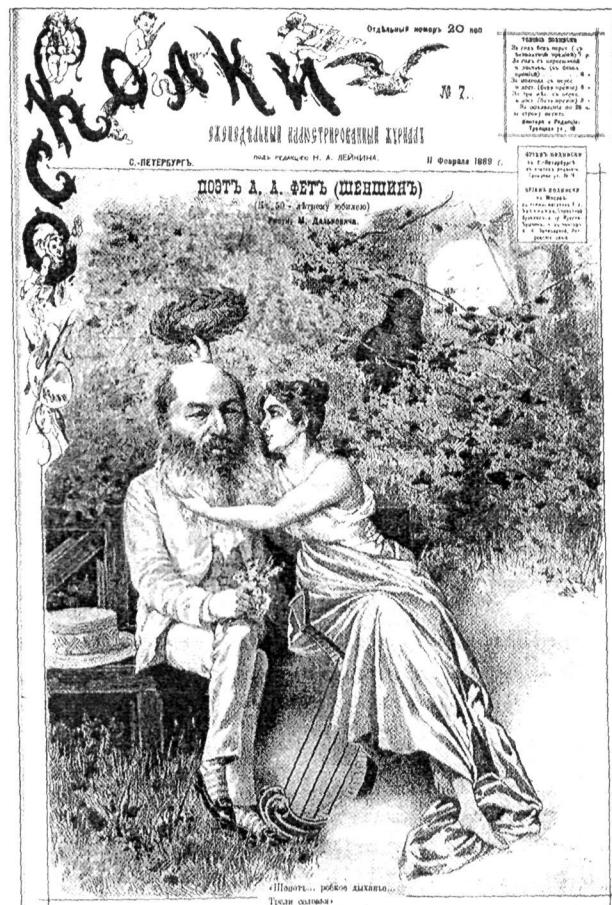
лирик, несколько увидший и обескураженный от суровых “всевий” нашего прозаического времени, а главное — от безжалостной к нему критики. В 60-х гг. г. Фет и его грациозная, деликатная музы были одним из “любимых мотивов” журнального смеха и злоказия за их, действительно, немножко тепличный идеализм и брезгливость к мукам и злобам жизни <...>. Г-н Фет <...> мужественно остался верен своей музе <...> [14, с. 232].

Даже к концу XIX в. Фет как выдающийся поэт был признан немногими. Д.Н. Цертелев писал в 1899 г.: «Конечно, все мы уже в гимназиях знали по имени Фета и большею частию даже наизусть выдолбили два или три стихотворения, которые легче других могли дать тему пародиям и шуткам, но внутренний смысл его поэзии был тогда недоступен не только для гимназистов, но и для большинства журнальных критиков. Его ценили только немногие <...>» [33, с. 220].

Пародия в силу своей доходчивости массово-му сознанию становится основным средством в литературной и общественной полемике «утилитариев» 1860-х – 1870-х гг. В открытой, беспощадной и затяжной неприязни к поэзии Фета особенно досталось самому фетовскому стихотворению, одному из шедевров русской поэзии — «Шепот, робкое дыханье...» (1850), который был воспринят современниками как поэтический манифест.

Очевидно, именно по этой причине только в XIX в. на «Шепот, робкое дыханье...» было написано более тридцати пародий, и список этот пополняется по сей день, правда, утратив связь со смысловым фоном ироничного народического бытования. Безудержный народический «бум» именно этого стихотворения Фета как феномен стал предметом научного осмысления в целом ряде статей [см.: 15, с. 307–313; 9; 23; 11]. Приведем стихотворение полностью:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной,очные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

«Поэт А.А. Фет (Шеншин) (К 50-летнему юбилею)». Шарж М.М. Дальковича. Обложка журнала «Осколки» (1889. 11 февраля)

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы –
И заря, заря!..

Основной причиной столь пристального внимания стали необычность и провокативность его структуры — полное отсутствие глаголов. Все стихотворение — это одно большое предложение, состоящее из целого ряда назывных, что создавало впечатление фрагментарности, разорванности поэтического строя. Но воспринять этот прием как поэтическое новаторство современникам поэта оказалось не под силу. Таков, вероятно, был внешний, раздражительный, импульс. Внутренний оставался прежним — идеологическая неприязнь к «бессмысленной», «беспредметной», «мотыльковой» поэзии.

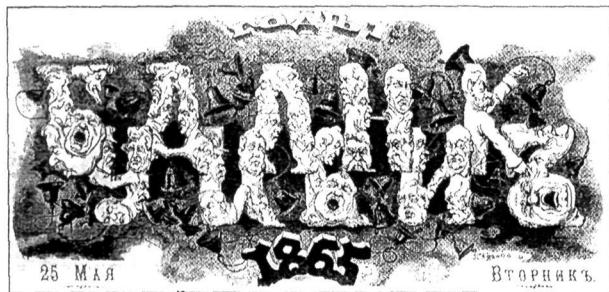
Исследуя популярность стихотворения как среди почитателей, так и среди пародистов, следует обратить внимание также на его размер — разностопный хорей (4,3,4,3) — близкий к разговорному языку, что дало необыкновенную тематическую вариативность в его пародическом осмыслении. Из всех безглагольных стихотворений Фета (а их было всего четыре, в том числе «Чудная картина...» (1842), «Это утро, радость эта...» (1881), «Только в мире есть, что тенистый...» (1883)) именно «Шепот, робкое дыханье...» оказалось наиболее востребованным среди пародистов.

Известна также пародия Минаева, в которой воспроизводится ритмическая схема стихотворения «Чудная картина...», но пародируется здесь не синтаксис, а тема «мыслящей природы», характерная для «чистой поэзии»:

Чудная картина!
Грезы всюду льнут:
Грезит кустик тмина,
Грезит сонный пруд,
Грезит георгина,
Даже, как поэт,
Грезит у камина
Афанасий Фет <...> [25, с. 514].

В качестве образца пародирования синтаксиса приведем эксперимент Минаева 1865 г. (Будильник. 1865. № 24. С. 94), составленный из имен современных литераторов:

Корш и Федор Достоевский,
Михаил Катков,
Розенгейм, Андрей Краевский,
Тур и Соловьев.
Боборыкин и Дудышкин,
Фет и Небольсин.
Благовещенский и Шишгин,
И Ефим Зарин.
Ростислав, В. Л., Стебницкий,

Заглавие первой страницы журнала «Будильник»

Майков, Кошино,
Чаев, Бибиков, Лохвицкий
И Михно, Михно [цит. по: 15, с. 311–312].

Вспоминая 1860-е гг., Н. Г. Чернышевский писал сыновьям в 1878 г., не удержавшись от колких оценок поэта: «Можно ли писать по-русски без глаголов? — Можно. Для шутки пишут так. И это бывает, иной раз, довольно забавною шалостью. Но вы знаете стихотворение:

Шелест, робкое дыханье,
Трели соловья, —

только и помнится мне из целой пьесы. Она вся составлена, как эти два стиха, без глаголов. Автор ее — некто Фет, бывший в свое время известным поэтом. И есть у него пьесы, очень миленькие. Только все они такого содержания, что их могла бы написать лошадь, если бы выучилась писать стихи — везде речь идет лишь о впечатлениях и желаниях, существующих и у лошадей, как у человека. Я знал Фета. Он положительно идиот: идиот, каких мало на свете. Но с поэтическим талантом. И ту пьеску без глаголов он написал, как вещь серьезную. Пока помнили Фета, все знали эту дивную пьесу, и когда кто начинал декламировать ее, все, хоть и знали ее наизусть сами, принимались хохотать до боли в боках: так умна она, что эффект ее вечно оставался, будто новость, поразительен» [34, с. 193].

О «лошадином языке» нигилистов от литературы упоминает другой современник поэта Н. С. Лесков, который в последней статье цикла «Специалисты по женской части» с горечью писал о влившемся в литературу «критического направления» «мутном потоке» посягательств на все поэтическое, начиная с Пушкина: «Они начали с издевательства над восторгами наших поэтов по поводу женской красоты <...> страстные строфы лермонтовского «Демона» были также избраны предметом для глупых пародий, рассказанных лошадиными языками развязных поэтов «Искры». Все, что есть теплого и милого в стихотворениях Фета, начиная с стихотворения «Какое счастье, — ночь и мы одни» до безглагольного «Шепот, робкое дыханье» и до грациозной «Крошки», — все это было перековеркано и названо «клубничиной» <...>» (Литературная библиотека. 1867. № 12. С. 278).

С именем Лескова, вступившегося за честь Фета, была связана история со злобными акrostихами, подписанными именем поэта, не имевшего к ним отношения; акrostих «Дикарка» был составлен Минаевым [10].

Вероятно, первым пародистом стихотворения следует считать Н.А. Добролюбова, ученица которого Н.А. Татаринова (Островская), впоследствии писательница, оставила относящиеся к 1857 г. воспоминания о своем домашнем учителе, к этому времени уже сотруднике «Современника»: «Занималась я с ним только полторы зимы, и мы не пошли дальше Жуковского. Но иногда ему случалось говорить мне и о позднейших писателях. <...> раз упомянул он о Фете:

— Чтобы дать вам понятие об этом поэте, я прочту вам одно из его неизданных стихотворений.

И он, с некоторым злорадством, прочел длинную пьесу с припевом после каждой строфы: «Рододендрон, рододендрон!» <...>. Потом сообщил он мне из известного в то время рукописного «Сонника» Щербины: «Если глупый человек увидит Фета во сне, то еще более поглощает, а умному человеку такой глупый сон никогда не приснится».

— А вот послушайте еще: «Шепот, робкое дыханье...» Это сверху вниз, а теперь слушайте снизу вверх: «И заря, заря...» Не правда ли, все равно: что сверху вниз, что снизу вверх?

— И вздор это! — перебил его отец, входя в комнату. — Совсем не все равно, и стихотворение это — прекрасное» [28, с. 270–271].

Чтение стихотворений Фета в обратном порядке — прием палиндром(он) — был использован Минаевым в пародиях на фетовские стихотворения «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...» (1847) и «В долгие ночи, как вежды на сон не сокнуты...» (1851), опубликованных в «Искре» [см.: 25, с. 507] и «Русском слове», в рецензии на издание стихотворений Фета 1863 г. (1863. № 9. С. 36). Минаевская пародия «Пусть травы на воде русалки колыхают...» представляет собой дословно переписанное от последней строки к первой стихотворение Фета «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...».

По мнению М.Л. Гаспарова, «общая установка» таких пародий «была, по-видимому, на «бессодержательность» и вытекающую из нее

“бессвязность” оригиналов». При этом если попытаться определить, в чем разница впечатлений от этих двух текстов Фета и Минаева, то минаевский текст «более связан», последователен, чем фетовский [4, с. 171]. Любопытно, что сам Минаев, будто предвосхищая приведенный отзыв, писал: «Положа руку на сердце, можно сказать, стихотворение даже выигрывает при последнем способе чтения, причем описываемая картина выражается последовательнее и художественнее. Кто же упрекнет меня теперь, что я не сочувствую высоким способностям г. Фета» [цит. по: 25, с. 785].

В «Русском слове» под псевдонимом отставного майора М. Бурбонова Минаев пишет об «особенном свойстве» стихотворений Фета — они «обоюдоострые»: «...читай их с конца, с середины — они будут дивить нас “красой непостижимой”» (1863. № 9. Отд. 2. С. 36). При этом пародист обнаруживает основательное знакомство с поэзией «бессмысленного» поэта: «...г. Фет патриот, но патриот лирический, который в своем отечестве видит только “бриллианты в свете лунном”, георгины, стоявшие перед ним, “как живые одалиски”, видит одни только “золотые переливы” ржи и влюбленного Феба, почивающего с Фетидой. Его крепостная музা только внимала “трелям соловья” и “на волне ликующих звуков” уносилась в “звенящую даль” от всех житейских дрязг» (там же. С. 37). По всей видимости, подобные эксперименты были в ходу. Так, соредактор «Занозы» И.А. Арсеньев пародирует «Купальщицу» Фета (1864) со следующим комментарием: «Говорят, будто бы каждое стихотворение г. Фета можно читать *вверх-ногами* и «получить ту же приятность и пользу» (1865. № 11 и 12. С. 53).

Вернемся к стихотворению «Шепот, робкое дыханье...». Вероятно, первой опубликованной пародией на него следует считать текст из «Весельчака» (1859. № 6. С. 69), в котором автор злободневного фельетона, пародически осваивая известный образец, помещает его в комический контекст пошлой обстановки карточной игры, прозаизирует его и тем самым создает комический эффект:

Ропот, тяжкое дыханье,
Деньги и мелки,
Карт метанье и вниманье,

Заставка первой страницы журнала «Заноза»

На пе уголки;
Игроки, как будто тени,
Талья без конца,
Ряд понятных изменений
Всякого лица:
То бледнеют, то как розы...
Дым из янтаря,
Остроты, и смех, и слезы, —
И заря, заря!.. [9, с. 15].

Продолжил вышучивать стихотворение и Добролюбов. В «Свистке» (№ 5), сатирическом отделе журнала «Современник», появилось его стихотворение «Первая любовь» (1860), написанное якобы от лица двенадцатилетнего «юного дарования» Аполлона Капелькина, высеченного отцом за эту эротическую картинку. Ведущий критик, утрируя сюжет и добиваясь комического эффекта у публики, переводит высокий поэтический план Фета о робости, нежности и красоте первой любви в плоскость бытовой, мимолетной, случайной связи, сохранив для узнаваемости внешний атрибут фетовской безглагольности:

Вечер. В комнатке уютной
Кроткий полусвет.
И она, мой гость минутный...
Ласки и привет,
Абрис маленькой головки,
Страстных взоров блеск,
Распускаемой шнурочки
Судорожный треск...
<...>

Сладострастные объятья,
Поцалуй немой <...> [27, с. 136].

Публицистические выступления Фета, в которых отразилась его хозяйственная деятельность в пореформенные годы — цикл очерков «Из деревни. Заметки о вольнонаемном труде» (1862–1871), — также стали объектом многочисленных пародий, обнаруживая завидную прикрепленность к образцу.

«Шепот, робкое дыханье...» было сатирически спародировано Минаевым в цикле «Лирические песни с гражданским отливом (Посвящ. А. Фету)» (1863), целиком направленном против первых деревенских очерков Фета. В фельетоне, сопровождавшем пародию, автор отмечает, что поэт «принадлежит к особенной плеяде писателей и певцов, воспевших сладость крепостного состояния в России» (Русское слово. 1863. № 6. Отд. 3. С. 7), что, разумеется, не соответствовало действительности [см. об этом: 13; 12, с. 201–205]. «Прежде, — продолжает Минаев, — в нем этого не подозревали <...>; но правительственная реформа <...> вдруг осветила деятельность таких писателей, как г. Фет <...>. Он не поет уже теперь: “шепот, робкое дыханье, трели соловья”; но у него вырываются другие мрачные песни:

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.
От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень.
На полях — чужие гуси,
Дерзость гусенят, —
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат!..»
(Русское слово. 1863. № 6. Отд. 3. С. 7–9).

По поводу фетовской публицистики, воспринятой воинствующими современниками как откровения крепостника, высказался в 1864 г. и Писарев: «Такова должна быть непременно изнанка каждого поэта, воспевающего “шепот, робкое дыханье, трели соловья”» [21, с. 311].

Приведем вторую пародию Минаева из цикла «Лирические песни с гражданским отливом», ритмически пародирующую не только «Шепот,

робкое дыханье...», но и «Серенаду» («Тихо вечер догорает...», 1844).

Солнце спряталось в туман.
 Там, в тиши долин,
Сладко спят мои крестьяне —
 Я не сплю один.

<...>
Если вдруг чужое стадо
 Забредет ко мне,
Штраф платить вам будет надо...
 Спите в тишине! [25, с. 510].

Следующее пародийное переписывание Минаева сопровождалось развернутым комментарием автора, поясняющим, что именно этот вариант является изначальным по отношению к стихотворению «Шепот, робкое дыханье...», поэтому майор Бурбонов сожалеет, что поэт «изменил своему настоящему направлению». «Служа в уланах, г. Фет должен был придать непременно песням своим боевой, военный характер», а он «явился штафиркой на Парнас»:

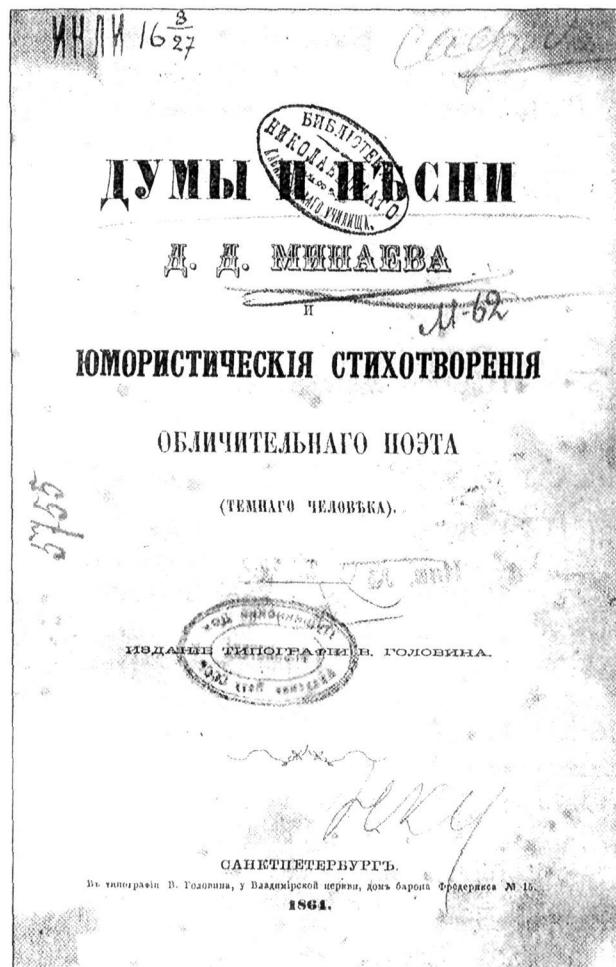
Топот, радостное ржанье,
 Стройный эскадрон,
Трель горниста, колыханье
 Реющих знамен,
Пик блестящих и султанов;
 Сабли наголо,
И гусаров и уланов
 Гордое чело;
Амуниция в порядке,
 Отблеск серебра, —
И марш-марш во все лопатки,
 И ура, ура!.. [25, с. 507, 785].

Вероятно, Минаеву принадлежит еще одна искровская насмешка, в которой узнаваемый образец помещается в пошлую обстановку дачной жизни (1864. № 25. С. 351):

Штраус... свист локомотива...
 Штраус... вход в вокзал...
Штраус... кегли... Штраус... пиво...
 Штраус... сельский бал...

В 1865 г. в «Искре» Минаев в цикле «Мотивы русских поэтов» вновь пародически переписывает «Шепот, робкое дыханье...» и, вероятно, «Серенаду» («Тихо вечер догорает...»):

Тихий вечер навевает
 Грезы наяву,

Сборник Д.Д. Минаева «Думы и песни» (СПб., 1864).
Титульный лист

Соловей не умолкает...
 Вот я чем живу.

<...>
Я срываю шишки с ели,
 Незабудки рву
И пою, пою без цели...
 Вот я чем живу [22, т. 2, с. 70].

Пародировал бессодержательность стихотворения «Шепот, робкое дыханье...», якобы состоящего из набора слов, также поэт-сатирик Н.А. Вормс, печатавшийся в «Русском слове» и «Деле». Его пародия входит в цикл «Весенние мелодии (Подражание Фету)» (1864):

Звуки музыки и трели, —
 Трели соловья,
И под липами густыми
 И она, и я.

Вопреки прогнозам Писарева, Добролюбова, Михайловского о недолговечности поэзии Фета, отношение к ней в корне меняется к концу XIX в., за поэтом закрепляется восторженное представление как об учителе.

«...Мы, "начинающие", – вспоминал критик и поэт П.П. Перцов, – сознательно считали себя "фетышистами" <...>». Фет становится «предтечей русского символизма» (В. Брюсов, А. Блок, И. Анненский, А. Белый и др.). Один из первых биографов поэта Б.А. Садовской писал в 1910 г.: «Сам по себе тот факт, что Россия целиком прозевала Фета, – страшен: он заставляет усомниться в праве нашем на национальное бытие»

И она, и я, и трели,
Небо и луна,
Трели, я, она и небо,
Небо и она [25, с. 514–515].

В 1874 г. фетовская парадигма продолжает оставаться актуальной: юморист «Будильника» В.И. Орлов (псевд. Good boy) разражается пародией «Под простым впечатлением от мудреной книги (По камертону поэта Фета)» (Будильник. 1874. № 19. С. 9):

Темнота, сумбур и хаос,
Привидений ряд,
Всяких дикостей цейхаус
И чертей отряд...
Бестолковость, детский лепет,
Дряхлых чувств обман,
Перед близкой смертью трепет,
И туман, туман...

Нападки многочисленных пародистов, несомненно, способствовали дискредитации Фета и как человека, и как поэта, имя которого до наших дней продолжает оставаться «в пленах легенд и фантазий» [1].

Парадоксальным способом популярность стихотворения Фета дала жизнь текстам, не

имеющим отношения к поэту и его творчеству. Так, В.П. Буренин в атмосфере пореформенной реакции пишет политический памфlet:

На плацу маршированье,
Стройность пеших масс,
Командиров восклицанья:
«Левой! Правой! В раз!»
Ружья все с казенной частью,
Чудный блеск штыков,
Укрощенья высшей властью
Дерзостных умов,
Ряд народных столкновений,
Зла и бедствий тьма,
Зверства, ужасы сражений
И чума, чума! [цит. по: 9, с. 17].

Несколько неожиданным может показаться звучащий как революционная речовка перепев стихотворения под названием «Ночь (Подражание Фету)» (1886), принадлежащий неизвестному автору и приведенный как образец «вольной музы» в сборнике «Вольная русская поэзия»:

Шепот, грозное бряцанье
Сабель, звуки шпор, –
Обыск, тягость ожиданья,
Тихий разговор;

Свет ночной, — поодаль тени
Матери, отца, –
Сменя быстрых выражений
Бледного лица;

В вечность канувшие грэзы,
Бед в грядущем тьма,
И прощания, и слезы, –
И тюрьма, тюрьма! [3, с. 519].

Пародирование стихотворения Фета «Я пришел к тебе с приветом...» (1843) пьяным капитаном Лебядкиным в «Бесах» (1872) литературно отразило текущую пародическую ситуацию с фетовской поэзией [см.: 6, с. 119]. Открыто полемизируя с Добролюбовым в статье «Г-н-бов и вопрос об искусстве» (1861), Ф.М. Достоевский, знаток и ценитель творчества Фета, образно воспроизвел ситуацию с остракизмом поэта и бесчисленными пародиями на «Шепот, робкое дыханье...», представив ее как казнь поэта лиссабонцами в день знаменитого землетрясения: «...положим, лиссабонцы и казнили своего любимого поэта, но ведь стихотворение, на которое они все рассерди-

ись (будь оно хоть о розах и янтаре), могло быть великолепно по своему художественному совершенству. *<...>* а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи вообще, и вместе с тем и за «пурпур розы» в частности. *<...>* поэма, за которую казнили поэта, как памятник совершенства поэзии и языка, принесла, может быть, даже и немалую пользу иссабонцам, возбуждая в них потом эстетический восторг и чувство красоты, и легла благотворной росой на души молодого поколения» [7, с. 76]. К этому следует добавить наблюдение одного из теоретиков пародийного жанра: тодлинный шедевр «всегда может выдержать испытание смехом и постоять за себя. Никакая фамильярная переделка его не разрушит и не опошлит», в силу «обратного пародийного эффекта» смешным оказывается не шедевр, а тосягнувший на него шутник. Такова внутренняя логика пародического использования как художественного приема» [15, с. 288].

Эстетическому сознанию современного человека даже талантливые пародии Минаева не кажутся справедливыми, но, как замечает З.И. Новиков, признавая «сегодня всю ограниченность и несправедливость пародийных тридирок Минаева к Фету, мы вовсе не должны из одной крайности броситься в другую и однозначно осудить пародиста. Важно понять иалектику литературной борьбы, саму суть ворческих споров и их роль как катализатора эстетической эволюции. Поединок эстетизма и гилитаризма — это полемическое выражение внутренних сдвигов в развитии литературы» [5, с. 394]. Если, конечно, не думать и не сожалеть о той неродившейся поэзии затравленного ета, замолчавшего на два десятилетия.

Вопреки прогнозам Писарева, Добролюбова, Михайловского о недолговечности поэзии ета, отношение к ней в корне меняется к концу XIX в., за поэтом закрепляется восторженное представление как об учителе. «...Мы, ачинающие», — вспоминал критик и поэт П. Перцов, — сознательно считали себя «фешистами» *<...>* [17, с. 99]. Фет становится «жадечей русского символизма» (В. Брюсов, Блок, И. Анненский, А. Белый и др.) [18]. Един из первых биографов поэта Б.А. Садовский писал в 1910 г.: «Сам по себе тот факт,

Фет с сестрой в Риме (Н.А. Некрасов, Н.А. Шеншина, А.А. Фет, П.М. Ковалевский). Рисунок А.Ф. Чернышева. Рим, январь 1857 г.

что Россия целиком прозевала Фета, — страшен: он заставляет усомниться в праве нашем на национальное бытие» [26, с. 141]. К юбилею литературной деятельности Фета в январе 1889 г. К.М. Фофанов в качестве поэтического приветствия посвятил ему превосходное стихотворение, стилизую его под «Шепот, робкое дыханье...» и используя ту же ритмическую схему. Его можно было бы назвать антипародией, ответом на все многочисленные пародии, которые пришлоось выслушать Фету:

Есть в природе бесконечной
Тайные мечты,
Осеняемые вечной
Силой красоты.
<...>

И пока горит мерцанье
В чарах бытия:
«Шепот. Робкое дыханье,
Трели соловья».

И пока святым искусствам
Радуется свет,
Будет дорог нежным чувствам
Вдохновенный Фет! [31, с. 147–148].

Литература

1. Асланова Г. В плена легенд и фантазии // Вопросы литературы. — 1997. — № 5. — С. 175–195.
2. Благой Д. Мир как красота: О «Вечерних огнях» А. Фета. — М., 1975.
3. Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: Сборник стихотворений / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. С.А. Рейсера. — М., 1975.
4. Гаспаров М.Л. «Уснуло озеро» Фета и палиндромон Минаева: Поэтика пародии // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. — М., 1995. — Вып. 2. — С. 170–177.
5. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. — М.; Л., 1963. — Т. 6.
6. Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л., 1974. — Т. 10.
7. Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л., 1978. — Т. 18.
8. Елизаветина Г.Г. Литературная судьба А.А. Фета // Время и судьбы русских писателей. — М., 1981. — С. 146–186.
9. Игнатова И.Б. О пародиях на стихотворение А.А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» // Русская речь. — 2008. — № 1. — С. 14–18.
10. Ипатова С.А. Кто же был автором акrostиха «Дикарка», подписанного «А. Фет»? (мистификация как пародия) // Жанры в историко-литературном процессе. — СПб., 2015. — Вып. 6. — С. 26–42.
11. Козубовская Г.П., Фейгельсон М.А. «Шепот, робкое дыханье...» А. Фета в пародийном контексте // Вестник Алтайской гос. пед. академии. — 2010. — № 4. — С. 104–114.
12. Кошелев В.А. Афанасий Фет: Преодоление мифов. — Курск, 2006.
13. Кошелев В.А. Суэта вокруг «гусей»: Об одном эпизоде литературной полемики XIX столетия // А. А. Фет и русская литература: XVI Фетовские чтения. — Курск, 2002. — С. 133–150.
14. Михневич Вл. Наши знакомые: Фельетонный словарь современников: 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. — СПб., 1884.
15. Новиков В.И. Книга о пародии. — М., 1989.
16. Переписка А.А. Фета с Д.И. Нагусевским (1887–1890) / Публ. С.А. Ипатовой // А.А. Фет: Материалы и исследования. — М.; СПб., 2010. — Вып. 1. — С. 365–449.
17. Перецов П.П. Литературные воспоминания. — М.; Л., 1933.
18. Петрова Г.В. А.А. Фет и русские поэты конца XIX — первой трети XX века. — СПб., 2010.
19. Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. — М., 2001. — Т. 3.
20. Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. — М., 2002. — Т. 5.
21. Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. — М., 2003. — Т. 6.
22. Поэты «Искры»: в 2 т. / Вступ. заметки, сост., подгот. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. 3-е изд. — Л., 1987.
23. Ранчин А.М. «Шепот, робкое дыханье...» // Ранчин А.М. Путеводитель по поэзии А.А. Фета. Учебное пособие. — М., 2010. — С. 33–63. — Сер. «Школа вдумчивого чтения».
24. Розенблум Л.М. Фет и эстетика «чистого искусства» // Литературное наследство. — М., 2008. — Т. 103. Кн. 1. — С. 9–54.
25. Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.А. Морозова. 2-е изд. — Л., 1960. — Сер. «Библиотека поэта. Большая серия».
26. Садовской Б.А. Русская Камена. — М., 1910.
27. Свисток. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863 / Изд. подгот. А.А. Жук и А.А. Демченко. — М., 1981. — Сер. «Литературные памятники».
28. Татаринова-Островская Н.А. Мои воспоминания о Н.А. Добролюбове // Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников. — М., 1961. — С. 265–277. — Сер. литературных мемуаров.
29. Фет А.А. О стихотворениях Ф. Тютчева // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. — СПб., 2006. — Т. 3. — С. 176–194.
30. Фет А.А. «Что делать?». Из рассказов о новых людях. Роман Н.Г. Чернышевского... // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. — СПб., 2006. — Т. 3. — С. 195–259.
31. Фофанов К. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.В. Сапожкова. — СПб., 2010. — Новая серия «Библиотеки поэта».
32. Целикова Е.В. Пародийная личность А.А. Фета в творчестве поэтов «Искры». Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. — Череповец, 2007.
33. Цертелев Д.Н. А.А. Фет как человек и как художник // Русский вестник. — 1899. — № 3. — С. 217–240.
34. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. — М., 1950. — Т. 15.